

ЧАВА 1

Город заливало солнечным светом — ярким, оранжевым. В нем тонули улицы, люди, автобусы, скверы. Сорванные легким ветром последние листья медленно плыли по воздуху. А звуки, проникающие сквозь его окно, казались вязкими, маслянистыми. Их даже можно было пощупать — шелковистый девичий смех, острый и колючий, как клубок шерсти, собачий лай, шуршащий бумажный шелест метлы по брусчатке.

Ничего, с неожиданным раздражением подумал он, поворачиваясь к яркому воскресному городу спиной, уже завтра похолодает. Уже завтра все станет серым и невзрачным. Тогда не до смеха будет.

Не до смеха теперь было ему — здоровому, симпатичному мужику тридцати пяти лет, оставшемуся без работы и не знающему, куда применить свои силы, знания, ум. И что обиднее всего, без работы он остался по собственному желанию. Не по семейным обстоятельствам, не в связи с переменой места жительства, не потому, что не сработался и оказался не понят. Нет! Просто по собственному желанию!

— Ты идиот, Лавров, — подвела черту неделю назад под его объяснением соседка Маша Астахова. — Ты же ничего не умеешь больше! Ничего!

— Почему? — удивился он и даже обиделся.

— А что ты умеешь, Саша? Ремонт делать? Нет! С паяльником сидеть? Нет! Компьютерные программы придумывать? Снова нет! Ты же ничего не умеешь! А знаешь почему?

— Почему?

Он продолжил на нее обижаться, хотя в глубине души понимал, что она права. Ничего из перечисленного он не умел. И даже никогда не пробовал ни с ремонтом возиться, ни с паяльником.

— Потому что ты, Саша, — мент! Мент с большой буквы! Ты таким родился, Саша. И когда родился, вся природа замерла!

И Машка заржала своим странным блеющим смехом, как овечка, накручивая кончик своей косы себе на кулачок.

— Может, и мент. И что? — забубнил Лавров. — Я многим людям помог.

— И продолжал бы помогать дальше, Лавров! Чего уволился-то?

— Не знаю. Навяло, — пожал он тогда — неделю назад — широченными плечами. — Взял и уволился. Достало все.

— Я же говорю, идиот, — удовлетворенно улыбнулась она, покивав прехорошенькой головкой. — Теперь-то куда, Саша?..

А вот теперь куда, он и не знал. Он ничего не умел! Ничего! Умел ловить бандитов, распутывать сложные преступные комбинации, умел в ворохе ненужной информации выбрать то, что необходи-

мо. И все! Никакими прикладными искусстваами не владел. Как плотник или столяр был бесполезен. И вообще все, хватит! Завтра вот похолодает, снег пойдет, тогда узнают они все...

Три глухих удара в дверь — так ломилась только Машка — его вдруг обрадовали.

— Чего тебе? — с наигранной ворчливостью встретил он ее на пороге. — Соль или спички закончились? Сколько раз говорил: купи зажигалку.

Машка стояла на его пороге, как Афродита, только что вынырнувшая из морской пучины. С длинными — до попы — распущенными волосищами, заспанной мордахой и почти в чем мать родила. Малюсенькие какие-то трусишки, именуемые ею спортивными шортами. Рубашонка до пупка такая тонюсенькая, прозрачная, что на ней словно и не было ничего.

— Маш, ты когда одежду уже начнешь носить? — произнес Лавров со вздохом, чуть отступая в сторону, чтобы пропустить соседку.

— Я в одежде, — буркнула она недовольно и, виляя едва прикрытой попкой, сразу пошла в кухню.

— Я мужик все же, Машка. Не стыдно тебе так вот передо мной появляться? — ворчал Лавров, следуя за ней по пятам.

— Ты, Саша, не мужик, — изрекла она со смешком, сразу принявшись открывать крышки кастрюлек, стоящих на плите.

— А кто же, простите? — Он снова подумал, что готов обидеться.

— Ты, Саша, мент. И мой сосед уже сто лет. А это почти что брат. И поэтому я не могу тебя стесняться. Ты же вот тоже передо мной стоишь в трусах — и ничего.

Упрек был принят. Лавров сходил в комнату, натянул широченные джинсовые шорты, в которые двое таких, как он, влезли бы запросто, вернулся в кухню. Машка уже наложила себе каши, которую он приготовил на завтрак себе, между прочим. Села на его любимое место в уголочке, из-за чего он постоянно злился. И теперь облизывала ложку, которой накладывала кашу, и смотрела на него как-то странно.

— Чего? — Он сел напротив, на самое свое любимое место — спиной к двери, он не терпел так сидеть за столом. — Ну! Говори!

— Только не ори, ладно? — Машка опустила синие глазницы вниз, уставилась на тарелку каши.

— Только не это, Маш!

Он не заорал, он взвизгнул так, что она поморщилась. Она что — эта дурица с косицей, снова собралась замуж?! В третий раз?! В неполные тридцать лет снова замуж?! В третий раз?!

— Не ори, — буркнула она.

И тут же забила себе рот тремя ложками каши, щеки раздулись, она начала медленно жевать. Это, надо полагать, для того, чтобы не отвечать на его немой вопрос.

Значит, правда!

— Маша, Маша, опомнись! Тебе еще и тридцатника нет, Маша! — принялся тут же Лавров ее увещевать, поняв по ее забитому кашей молчанию, что да — она собралась в очередной раз замуж. И ничего уже с этим поделать нельзя. — Чего ты так летишь туда?

— Пока берут, — пробубнила она сквозь кашу, пожав плечами.

— Кто берет-то?! Кто?! Урод на уроде! И где ты их только откапываешь?!

Она со вздохом подняла на него голубые глаза, покачала головой. Что означало: ты не поверишь! И Лавров понял — на работе. Она снова познакомилась с очередным своим претендентом на ее изящную ручку и беспечное сердце на работе.

— Дура! — проворчал Лавров.

Вылез из-за стола, налил себе кофе из большого медного кофейника, доставшегося ему в наследство от двоюродной бабки, прожившей почти всю свою жизнь в Турции.

Раритетную посудину он обожал. Кофе в нем получался отменным. Долго не остывал и аромат хранил часами. Чашку налил большущую, чайную, всыпал туда две ложки сахара. Размешал, шумно хлебнул. Зажмурился. Вкусно, крепко, горячо.

— Мне налей, — скомандовала Машка, кашу она доедала.

Лавров послушно налил ей в точно такую же чашку, всыпал две ложки сахара, размешал. Машка, как и он, любила крепко, сладко, горячо.

— На, — с грохотом поставил перед ней чашку. — И рассказывай. Кто на этот раз? Что за принц? С долгами по кредиту? Или с невыплаченной ипотекой?

— Ну че ты опять? Саш, ну че ты? Разве в меня нормальный мужик не может, что ли, влюбиться? — Машка надула губы, спрятав обиженную мордашу за чашкой.

— Может, — согласился Лавров, подходя к окну и с возросшим раздражением рассматривая плавающий в оранжевом свете город — красивый, нарядный и беспечный. — Только он не успевает!

— Чего-чего? — Она наморщила лоб.

— Не успевает нормальный мужик пробиться к тебе сквозь строй мерзавцев! Ты ведь едва развод оформишь, и тут как тут — очередная тварь! Когда нормальному мужику тебя рассмотреть-то?! В очереди отстоять? — И закончил с печальным вздохом: — Говорю же, дура!

Завтрак закончился в полном молчании. Лавров, выпив кофе, наложил себе все же каши. Машка дождалась, пока он доест, собрала посуду со стола, все перемыла. Снова села в уголок. Уставилась на него ручным зверьком.

Он сразу понял, в чем дело.

— Даже и не думай, Маша, — и Лавров, смастерив гигантский кукиш, помотал им у нее перед носом.

— Почему? — Ее губы набухли, ресницы затрепетали — Машка готовилась зареветь.

— Потому что теперь у меня нет работы! Потому что у меня теперь нет удостоверения! И..

— Но связи-то остались, Саша, — затянула она плаксивым противным голосом, который он терпеть не мог. — Ты же можешь узнать в паспортном столе, кто он и что он. И вообще.. Узнать по своим каналам, что это за человек? Откуда он вообще?

— О господи!

Если бы были у Лаврова волосы, он бы теперь принялся их дергать. Но череп его был гладко выбрит, поэтому все, что ему оставалось, это хлопать ладонями себе по голове.

Если Машка пытается что-то узнать о своем избраннике, значит, в чем-то не уверена. Значит, вообще ни черта о нем не знает. И сомневается в его легенде. И это, между прочим, впервые! Первые два

замужества такой проверки не подвергались. Вернее, проверка была, но уже задним числом. Когда первый хмырь на нее пытался свой кредит переоформить. А второй...

Лавров чуть не удавил уroda, узнав, что он Машку ударил головой о стену, уговаривая подделать банковские документы, чтобы избавиться себя от необходимости платить по ипотеке.

Теперь-то что?! Вернее, кто?! Почему она так озабочена? Впервые озабочена!

— И кто на сей раз, Маша?

— Коллега, — призналась она со вздохом.

— О! Уже неплохо. — Лавров чуть расслабился. — Коллега чем занимается?

— Он в кредитном отделе менеджер. — Ее локоток встал на стол, мордаха опустилась на кулачок, румяная щечка сморщилась. — Хороший парень. Двадцать девять лет, как и мне. Местный. Зовут Володя...

— А фамилия у твоего Володи имеется?

— Имеется, — с неуверенным вздохом произнесла Маша. И тут же неожиданно предупредила: — Только она тебе не понравится.

— Говори!

— Филиченков...

Оранжевый свет воскресного утра мгновенно раскалился за окном. Он плеснул огненными брызгами через стекло в лицо Лаврову. Он опалил брови, он выжег ему глаза, высушил горло. Саша перестал дышать на какое-то время.

— Как-как его фамилия? — переспросил он в надежде, что ослышался, что эта глупая деваха решила его разыграть, помотать нервы воскресным оранжевым утром. — Филиченков?!

— Да, — тихо, почти шепотом подтвердила Машка. И глянула на него с несмелым вызовом. — И чё такого-то, Саш? Подумаешь! Это однофамилец! Скорее всего, однофамилец!

— Да-да, конечно.

Он подергал плечами, медленно полез из-за стола, встал одним боком к окну, вторым к двери, вытянул руку в сторону выхода, как регулировщик, и проговорил:

— Если ты решила, а ты решила... Тебе здесь больше делать нечего. Уходи.

— Как уходить, Саш?

Он промолчал, продолжая регулировать движение в своей кухне. Машка прошлепала босыми ступнями мимо него к кухонной двери с опущенной головой, поникшей спиной. Шмыгнула носом, поравнявшись. И еще раз спросила:

— Как уходить, Саш?

— Навсегда уходи, Маш. Навсегда...

Он не смотрел на нее, не потому, что не хотел, а потому, что не увидел бы. Он видел сейчас кое-что другое.

Утро было тогда...

Да обычным было то утро. Ранним, правда, очень ранним и туманным сильно. Было зябко, сыро. Туман пропитал одежду, лип к лицу, елозил за воротником. Хотелось сжаться в комок в каком-нибудь теплом углу, а не идти, крадучись, к заброшенным ангарам. Они были уверены, что там никого нет. Были уверены, что анонимный звонок — это лажа. Поехали проверить. Просто проверить. Конец дежурства, поехали? А поехали, все время быстрее пройдет. Они расслабились с Виталькой Сухаревым — другом и напарником.

Конец дежурства, в сон клонило, тут еще туман, прохладно. Поэтому и попали в переplet, в перестрелку. Виталика прошило очередью сразу. Он странно дернулся, глянул в его сторону затухающими глазами и упал лицом вниз. А он...

Он потом орал и стрелял. Орал, матерился что есть мочи и стрелял. Куда-то в пустоту, в темноту, откуда в него тоже стреляли. Сображал плохо. Казалось, что его окружила целая банда. Что палят отовсюду. Пули со свистом летели над головой, щелкали о стены, выбивая фонтаны штукатурки. Все ревело и грохотало вокруг. А когда предутренние сумерки отступили, когда туман съежился и растворился в лучах вывалившегося из-за бугра солнца, оказалось, что он давно не один. Прибыло подкрепление. Кто-то вызвал, услышав стрельбу со стороны заброшенных ангаров. Может, все тот же аноним, сообщивший, что в ангарах нынче под утро должна пройти серьезная сделка торговцев оружием? Может, и он. Но подкрепление прибыло вовремя, у него совсем не осталось патронов. Хоть камнями начинай кидаться. Хорошо, что «левый» ствол был при нем и два магазина запасных, и Виталик обоями за пасся, а так бы...

Бандитов забрали почти всех. Кого-то подстрелили. Руководил сделкой некто Филиченков Игнат Владимирович. Он же и убил Виталика. И подельники показали на него. И сам он потом сознался. По совокупности преступлений дали ему пожизненное. У него будто бы осталась семья. Лавров не вникал. Он страдал от потери друга очень долго. Еще дольше ругал себя, что не проконтролировал, что позволил расслабиться себе и Виталику.

У Витальки осталось двое детей — близнецы Генка и Сережка, и бывшая жена — непутевая Маринка, блудная и неработающая. Виталик бросил ее, но не бросил детей. Помогал им, возился с ними. И вдруг пацаны остались совсем одни. Отца не стало, матери, по сути, и не было.

Ох как страдал в те дни Лавров. Ох как было ему больно! Ох как он клялся тогда, что если вдруг когда-нибудь судьба сведет его с кем-нибудь из Филиченковых, то он...

А что, собственно, он?! Он вот стоит и смотрит в несчастную Машкину спину с заострившимися лопатками. И позволяет ей уйти и самой разбираться с этим Володей Филиченковым! А она разберется точно! Она так разберется, что мама не горюй!

Одного друга потерял из-за этой фамилии, теперь что, и ее еще потерять?

— Стоять! — скомандовал ей Лавров, скрипнув зубами.

Машка послушно остановилась на выходе.

— Вернулась и села!

Маша вернулась и замерла в уголочке на стульчике. Вымахала дылда под метр восемьдесят, тридцатник скоро, дважды замуж сходила, а дите дитем. Что с ней делать?!

— Рассказывай, — приказал Лавров и тут же потрогал бок медного кофейника.

Кофейник был горячим. Он налил себе в кружку. Сыпанул сахарку, помешал.

— В общем, так...

Она положила ладонки на стол, погладила, будто скатерть пыталась расправить. Только там ее отродясь не бывало. Даже в праздники. Аскетичными

они у него всегда выходили, праздники эти чертовы. Не до них все было, работу он свою работал!

— Он появился в нашем банке месяца три назад.

— Сколько-сколько?! — Лавров обхватил голову руками. — Машка! Ну, Машка же!

— Саш, не начинай, — промямлила она, робко глянула на кружку в его руке. — Дай хлебнуть.

Он сунул ей кружку, Машка шумно глотнула раз, другой. Покосилась на него, вернула кружку.

— Я понимаю, что для замужества знакомство в три месяца это ничто, но...

Машка повела плечиками. Это ее движение было хорошо знакомо Лаврову. Чем черт не шутит, так? Или можно и год встречаться, а человека не узнаешь, так? Или еще вариант был: подумаешь, три месяца! Любовь, она нечаянно нагрянет...

Так вот всегда поводила Машка плечиками, когда тупила и выскакивала замуж. И за это Лаврову хотелось ее посадить под замок. В какую-нибудь темную претемную темницу с ворохом шерсти, которую бы она пряла, не переставая, и думала, думала, думала, почему же она такая дура?

— Но, Саша, твои родители в поезде познакомились, когда из Владивостока в Москву ехали! И на вокзале в Москве сразу взяли такси и в загс поехали заявление подавать.

И угораздило же его — придурка — рассказать ей об этой семейной легенде! Он сам-то в нее верил с трудом, все время виделся ему в истории этой какой-то подвох, а Машке понравилось сразу. Еще бы!

— А тут целых три месяца, Саш! — продолжила развивать тему Маша.

— Действительно! Это же целых девяносто дней! — фыркнул он со злостью. Помыл кружку, прошелся по кухне. Сел на нелюбимое место. — И? Чего топчешься? Говори, что смутило тебя впервые в жизни? Он позвал тебя замуж, я правильно понял?

— Да. Вчера позвал.

Ее длинные ресницы вспорхнули, выпустив наружу огонек невероятного счастья, но, наткнувшись на угрюмый взгляд Лаврова, счастье тут же устыдилось и улизнуло.

— Сделал мне предложение, — поправилась Маша и зачем-то добавила: — Володя...

— А с чего вдруг? Вы встречались? Все эти девяносто дней вы встречались?

— И да и нет, — нехотя призналась соседка.

— Как это?! — вытаращился Лавров.

— Как-то так выходило, что нас никогда с ним не оставляли наедине. То одна девочка, то другая с нами увяжется.

— Куда вязалась девочка? — поднял темные брови Лавров.

— Ну... То в кафе, то в кино, то в клуб.

— Каждый раз девочки были разные?

— Ну да, почти.

— А ты не менялась? В том смысле, что...

— Да поняла я. — Машка поморщилась. — Да, правильно. Он, я и кто-нибудь еще.

— Кто инициировал этих «кто-нибудь еще»?

— Они сами. Навязывались. И вот вчера...

Машкины щеки густо покраснели. Голова опустилась настолько низко, насколько это вообще было возможно в ее сидячем положении. Еще чуть — и она уткнулась бы лбом в стол.

— И вот вчера вы остались наконец одни, и он тут же сделал тебе предложение, так? — решил он ей немного помочь.

— Так, — кивнула она.

— Что способствовало этому, Маша? — вкрадчиво поинтересовался Лавров, заподозрив неладное. — Ты притащила его к себе, и вы переспали? И он тут же сделал тебе предложение?

— Типа того, — промямлила она. Теперь у нее покраснела и шея. — Переспали. И тут же сделал мне предложение.

— Как порядочный человек он должен жениться, а как же! — Лавров выматерился, шлепнул ладонями по коленкам. — Маш, что могу тебе сказать...

— Что? — Голова не поднималась.

— Ты дура, Маш!

— Да иди ты, — неожиданно беззлобно огрызулась она и, подняв голову, глянула на Лаврова глазами влюбленной дуры. — Он такой, Саш... Он такой хороший...

Он промолчал. Хотя мог бы напомнить, что нечто подобное он слышал и о первом ее супруге, и о втором. Но он промолчал. Ему вдруг сделалось любопытно. Да так, что ладони зачесались.

А с какой такой блажи Владимир Филиченков запал на его соседку? С той, что она начальница кредитного отдела банка? Что зарплата у нее хорошая, да и так в деньгах нет нужды, родители снабжают? Что жилплощадь у нее завидная — центр города, просторная трешка, не в залоге, между прочим, две лоджии, мебель модная, ремонт дорогуций? Поэтому? Или еще какая причина кроется в неожиданном предложении руки и сердца Филиченкова Владимира?

Может, причина в том, что он — Лавров Александр — способствовал поимке и аресту Филиченкова Игната Владимировича? Кем ему приходится юный Владимир, а? Кем?! Не однофамильцем же, не смешите! Это не Иванов с Петровым, это Филиченковы. Таких фамилий одна на тысячу, а то и на сто тысяч...

— Так, ладно, это я понял.

— Что?

— Что он красавец, хорош в постели и благороден, как Айвенго. Дальше-то что?

— Что? — Машка тупела на глазах.

— Что еще ты хочешь о нем узнать, дорогая моя? Что тебя смущает? Ну!

— Понимаешь... — Машкины пальчики сплелись невероятным узором. — Как-то все неправильно с ним, Саш.

— Ух ты! — с невольной радостью вырвалось у него. — Взрослеешь? И что неправильно-то?

— Я спросила его о родителях. А он говорит, что лучше бы он был из детского дома, представляешь? — Ее ротик тронула недоверчивая ухмылка. — Что, мол, семья у него неблагополучная. А одевается лучше нашего управляющего! Часы дорогие. Образование опять же блестящее! Что-то не верится. Что мальчик из неблагополучной семьи мог бы там учиться.

— Молодец! — похвалил Лавров.

И подумал, что, может, не все так плохо, может, и одумается влюбленная коза и остепенится? Перестанет водить под венец каждые два года уродов всяких.

— Потом его зовут Володя, так? Я сама паспорт его смотрела, когда на работу принимала, собеседо-

вание было. — Пальчики распустились, разошлись в разные стороны и тут же снова схлестнулись узором замысловатее прежнего. — А недавно ему кто-то позвонил на мобильный, какая-то женщина и отчетливо назвала его Алешей. Я слышала!

— Оп-па! — Лавров накрыл ладонями голову, прищурился на Машку. — Ты спросила у него об этом?

— Нет. Скажет еще, что я подслушиваю! — возмутилась она.

— Но ты же подслушивала, Маш, — хихикнул Саша.

— Нет! Просто так вышло!

— А о чем шел разговор?

— Точно не могу сказать. Звонившая спросила о чем-то, а потом говорит, ну что же ты, Алеша?

Лавров вдруг вспомнил новую хохму: Алексея, мол, это имя, а Алеша уже диагноз. Так что вполне мог кто-то эту хохму пустить в дело при разговоре с Филиченковым.

Но Машку радовать прежде времени не стоило. Пусть попереживает.

— А он что? Что ответил звонившей?

— Он? Он как-то смутился. Съежился. И сразу предложил мне встретиться у меня без девочек.

— Ух ты! — Ладони сползли с головы на шею, помяли мышцы плеч. — И тебя смущает все это?

— Да, — кратко ответила Машка и устремила несчастный взгляд за окно, где в солнечном свете плавал, как в масле, город. — И сегодня мы собираемся с ним ехать за город.

— Куда конкретно?

— Этого я не знаю, Саш. Просто, сказал, посидим где-нибудь, отметим помолвку, вкусно поедим.

— Ага... Он это... — Лавров потеревбил основание безымянного пальца на правой руке. — Кольцо-то тебе подарил?

— Сказал — сегодня.

— Ага. Сегодня, стало быть. А что у нас сегодня? — Он глянул на численник, где странички не отрывались со дня его увольнения. Перевел взгляд на Машку. — Правильно. Сегодня у нас воскресенье. Ладно, я понял. Ты хочешь, чтобы я тебя подстраховал.

— В смысле? — снова начала тупить соседка.

— Прокатился за вами, понаблюдал. Так?

— Ну-у, не знаю. — Она махнула русой гривой. Глянула с надеждой. — А ты можешь? Не занят?

Не занят он был. И беситься уже начал от незанятости своей. Даже начали приходиться в голову шальные мысли: а не вернуться ли? Бывший начальник тут звонил, просил зайти, поговорить. Бывшие коллеги шепнули, что назад звать его собрался. Раскрываемости, мол, никакой. Кадры так себе идут. Лавров пока ломался, не шел. Но, судя по психозу, в каком он просыпался который день, это не за горами.

— Ладно. На какое время назначен ваш выезд за город?

— На пятнадцать ноль-ноль.

Машка робко улыбнулась, поняв, что Саша сдался, он поможет, он не бросит. Не оставит ее один на один с милым симпатичным Володей, в котором даже ей — безмозглой — чудилась какая-то червоточинка.

— Он за мной заедет. И мы...

— Понял. Ладно, иди умывайся. И это... — Лавров проводил ее вихляющуюся едва прикрытую поп-

ку осуждающим взглядом. — Надень на себя что-нибудь поприличнее.

— Хорошо, — кивнула Машка, и через мгновение хлопнула входная дверь.

Она ушла.

Лавров рассеянно осмотрел свою аккуратную скромную кухню. Два бежевого цвета шкафа наверху, два внизу, раковина, газовая плита, обеденный стол, стулья, окно без занавесок. Зачем они на третьем этаже, рассуждал он, заполняя кухонное пространство. Перевел взгляд на стул в уголке, где только что сидела Машка. Хорошая девчонка, талантливая, перспективная в своем банковском деле, но такая по жизни наивная. Хорошо, в этот раз ума хватило обратиться к нему за помощью.

В три часа пополудни, значит? Лавров глянул на часы. Половина одиннадцатого. Времени предостаточно, чтобы принять душ, побриться, одеться и сбежать в магазин. Полки его холодильника пора было заполнять.

Лавров вошел в ванную и уставился на свое отражение в зеркале над раковиной.

Хорошей формы череп. Но он точно знал, что если его не брить каждую неделю, то полезет странная мягкая поросль, стоящая дыбом, которая потом начнет закручиваться мелкими кудряшками. Бр-р, с подросткового возраста не терпел своих кудрей. И всегда стриг их как можно короче.

Что еще выдающегося? Высокий лоб, темно-карие красивые глаза, правда взирающие на мир немного мрачновато. Обычный мужской нос, жесткий рот, крепкий подбородок. Среднестатистическая внешность. Таких тысячи. Но Машка утверждает,

что он симпатичный и при своих внешних данных давно мог бы найти себе королеву.

Вопрос! Что он с ней станет делать, с королевой той? Прислуживать? Развлекать? Он так не может. Он может обычно, просто, без затей. А королевы так не могут. Им необходимо поклонение.

— Н-да...

Лавров со злостью плеснул горсть воды на свое лицо, взял в руки флакон пены для бритья, потряхнул, выдавил. Несколько пышных белых капель с мягким шипением выползли в ладонь, тут же шипение захлебнулось, затихло. Пена кончилась! Как бриться? А морда заросла, да. Он потер колючие щеки, кое-как намылил, поскоблил станком. Почистил зубы. Тюбик зубной пасты пришлось выворачивать спиралью, тоже кирдык, закончилась. Полез под душ, моля бога, чтобы и вода на нем не закончилась.

Как-то не задался день у Лаврова, хоть и плескалось с утра за окном все в солнечном свете, радуя глаз. У него не задался. Кассирша на кассе в супермаркете попыталась обсчитать на шестьдесят копеек. Мелочь, а неприятно. Потом какой-то умник подпер его машину на стоянке перед магазином, и пришлось ждать полчаса, пока этот толстозадый дядя вернется. И ладно бы извинился, облаял еще.

Из машины во дворе собственного дома Лавров вылезал в самом скверном настроении. Машинально отметил, что машина Машки на месте. Балконная дверь распахнута настежь. Занавеску надувает волдырем. Значит, дома. Она всегда закрывала балкон, когда уходила куда-то. Сегодня должна была уйти перья чистить перед свиданием. Это тоже одно из ее правил.

Лавров вытащил из багажника два огромных пакета с покупками, запер машину, сделал шаг и едва не наступил на Игоря Васильевича — старшего по дому.

— Здравствуйте, — буркнул Лавров и попытался его обойти.

Но не тут-то было! Пожилой мужчина тут же преградил ему путь и пробормотал тихо «здрaсте», поглядывая то на Сашу, то на какую-то бумагу, зажатую в руке. Так, будто сверял с какими-то нужными ему данными.

— Я вас слушаю. — Лавров удобнее перехватил пакеты. — Проблемы?

— Сэршено верно, — прошелестел Игорь Васильевич, проглотив несколько букв. — У нас проблемы.

— И в чем суть?

Лавров задрал голову к Машкиному балкону. За раздутой парусом занавеской кто-то мелькал. Хоть бы выглянула и догадалась позвать его. Очень не хотелось общаться с этим въедливым мужиком, вознамерившимся выкрасть у Лаврова часть его воскресного времени. Оно, конечно, не было строго расписано. И свободного времени у него, если честно, теперь было хоть отбавляй. Но! Об этом ведь никто не знал. Никто, кроме самого Лаврова и Машки еще. Ну и бывших коллег, но они по соседству не жили.

— Я слушаю вас, Игорь Васильевич, — поторопил его Лавров, поскольку мужик не торопился, продолжая рассматривать что-то на бумаге.

— Ах да, простите, Ас-н-др Иваныч, — снова глотая слог, опомнился старший по дому. Протянул ему бумагу, развернув ее так, чтобы Лавров мог смотреть не притрагиваясь. — Вы это видели?

На бумаге было фото мужчины, ниже текст. Обычная ориентировка на преступника. Он таких за время работы видел множество.

— Что это, Игорь Васильевич?

Лавров задрал голову. Машка вышла на балкон в стильных брючках в обтяжку, черном свитере. Слава богу, хоть оделась, тут же подумал Саша. Волосы она уложила великолепной башенкой. Прическа делала ее строгой и неприступной. Ему понравилось.

— Это преступник, — коротко ответил, отвлекая, управдом. — Его подозревают в страшных преступлениях.

— Допустим. Я-то тут при чем?

— Вы бывший сотрудник полиции. Ныне безработный, — удивил его осведомленностью сосед из соседнего подъезда. — То есть ничем не занятый.

— И вы меня желаете занять? — Лавров развеселился, на какое-то время оторвав взгляд от Машки, делающей ему какие-то знаки с балкона.

— Не я желаю. А все мы!

Игорь Васильевич широко растопырил руки, упакованные в такую жару в рукава теплой куртки.

— Все вы, это кто?

— Это общественность! — возмутился и покраснел Игорь Васильевич. Хотя покраснеть он запросто мог и оттого, что зажарился.

— И что же хочет от меня общественность?

Саша насмешливо посматривал с высоты своих почти метр девяносто на тщедушного коротышку.

— Пользы! Пользы, гражданин Лавров! — четко, забыв проглатывать слоги, проговорил мужчина. — Вы — ныне безработный, должны приносить обществу пользу. Вас и так слишком долго не задейство-

вали! Вы никогда не выходили на субботники. Не посадили ни одного дерева. Ни одной кормушки не повесили на деревьях для птиц.

Лавров огляделся. Насчитал четыре кормушки, сотворенные умельцами из пластиковых бутылок. Два скворечника. Но он ни разу не слышал по весне, как поют скворцы!

— И мы вас не беспокоили, понимая, что это не для вас! Это не ваше! Но это вот... — Лист бумаги гневно задрожал перед глазами Лаврова. — Это по вашей части! И вы не должны оставаться безучастным. Тем более что...

Игорь Васильевич неожиданно выдохся или окончательно зажарился на солнцепеке в теплой куртке, схватился за сердце и дышал какое-то время широко распахнутым ртом, как выброшенная на берег рыба.

— Тем более что, Игорь Васильевич? — сжалился над мужиком Лавров.

Спешить было больше некуда. За Машкиной спиной на балконе выросла фигура высокого крепыша в светлой водолазке в обтяжку. Фигура протянула две сильные мускулистые руки, обхватила Машку под грудью и увлекла с балкона за занавеску-парус.

— Тем более что этого преступника видели в нашем районе! — чуть с меньшим нажимом возмущился управдом.

— В самом деле? — поинтересовался Саша.

Но рассеянно поинтересовался, из вежливости скорее. Мысли были сейчас заняты другим. Тем самым крепышом, что позволил себе принародно лапать Машку и тащить ее собственнически с балкона. Может, он ее теперь еще и раздевать станет?

Снимет с нее черный свитер и все остальное, рас-
треплет аккуратную строгую прическу и...

— Вы меня не слушаете! — в отчаянии всплеснул
руками в толстых рукавах толстой куртки Игорь
Васильевич.

— Простите. Отвлекся, — честно признался
Саша. — Итак, этого преступника предположитель-
но видели в нашем районе. Я правильно вас понял?

— Не предположительно. А видели! — с нажи-
мом поправил мужчина. — Пошли к участковому.
Они обошли почти все квартиры наших трех домов.
Пусто! Нигде не проживает человек с такими при-
метами. И никто его не видел.

— Ну вот видите. — Лавров сделал пробный шаг
с автомобильной стоянки. — А говорите, видели.
И тут же — никто его не видел. Как понимать?

— А так! — с обидой отозвался мужчина, скла-
дывая лист вдвое. — Видела его моя супруга, когда
четыре дня назад выгуливала собаку около полу-
ночи. Сявочке приспичило, понимаете? Она и пошла.
А этот мужик... На детской площадке, на карусель-
ках сидит и на наш дом поглядывает.

— Да ладно! — не поверил Лавров, вспоминая
его жену с Сявочкой под мышкой. — Могла и обо-
знаться.

И про себя подумал, что обознаться могла, что-
бы в следующий раз Сявочку ночью на улицу не
тащить, когда той приспичит. Просто решила без-
залаберного мужа поугагать.

— Она, может, и могла, — не стал спорить управ-
дом. — Но я-то не мог! Я тоже его видел, когда с Ся-
вочкой выходил.

— А-а, понятно...

Лавров прищурился. Стало быть, жену он на вечерних собачьих прогулках все же сменил, так?

— А еще кто видел этого человека? — Саша кивнул на сложенный листок, подрагивающий в перегревшихся руках управдома.

— Никто, — нехотя признался он. — Как это у вас говорится: поквартирный обход ничего не дал. Не выявил.

— Стало быть, видели его только вы и ваша жена? — подвел черту Лавров и широко зашагал к своему подъезду.

Игорь Васильевич семенил рядом, не отставал.

— Стало быть, так, — запыхавшись, пробормотал он.

Потом каким-то невероятным образом обогнал на ступеньках Лаврова. Опередив его на мгновение, привалился спиной к подъездной двери и глянул страшными глазами ему прямо в рот, выше не получилось, Саша стоял слишком близко.

— Не думайте, что мы выдумываем, — зашептал он быстро и вдруг начал совать свернутый лист бумаги в один из пакетов с покупками. — Все, чего мы хотим, это обратить ваше внимание! Пробудить в вас бдительность!

— Вы — это ваша жена и вы? — Саша кивком подбородка велел ему убираться с дороги.

— Мы — это общественность, гражданин Лавров! — взвизгнул Игорь Васильевич уже за его спиной.

Саша вошел в подъезд, дверь хлопнула, замочек щелкнул, и стало так тихо, что он чуть не запел от радости. Он всегда пел, когда радовался. Некрасиво, фальшиво и чтобы никто не слышал.

На свой третий этаж пошел пешком. У двери нарочно долго возился с ключами, старательно прислушиваясь к звукам из Машкиной квартиры. Но там было тихо. Очень тихо. Отвратительно тихо! Думать о том, чем вызвана такая тишина, не хотелось.

Он вошел к себе, захлопнул дверь, скинул ботинки и понес пакеты в кухню. Быстро разложил все по полкам холодильника и шкафов. Швырнул на подоконник свернутый лист бумаги, который всучил ему Игорь Васильевич. Скомкал пакеты в комок и сунул в нижний ящик шкафа у окна. Там уже гора была этих шуршащих шариков. Каждый раз, выходя из дома в магазин, забывал брать с собой. Потом добавлял, вернувшись, к остальным. И почему-то не выбрасывал. Почему?

Саша глянул на часы над обеденным столом, почти половина второго. Успеет пообедать, сварить очередную порцию кофе и отправиться следом за Машкой, на загородную прогулку.

Лавров поставил сковороду на огонь, быстро очистил и нарезал в нее три картофелины размером с его кулак, накрыл крышкой. Нарезал свежих огурцов, колбасы, открыл банку зеленого горошка. Кофейник уже нагревался.

На улицу он вышел в половине третьего. Привычно огляделся. Машкина машина по-прежнему на стоянке. Балконная дверь открыта. Штора отдернута, обнажая черную дыру Машкиной гостиной. Никакого движения в обнажившемся проеме балконной двери.

Лавров вымыл стекла машины, сел за руль, начал полировать панель. Без пяти три они вышли из

подъезда. Маша в тех же стильных брючках, черном свитере, с той же строгой прической. То, что она не растрепана и не переодета, Лаврова порадовало. Фигура в обтягивающей водолазке шагала рядом, одной рукой придерживая Марию за талию, второй размахивая с такой интенсивностью, будто решила взбить воздух в крепкую пену.

Не придирайся! — одернул себя Лавров. Она собирается за него замуж. И может прожить с ним долго и счастливо, и даже нарожать ему таких же крепких и мускулистых детишек. И фамилию они все вместе станут носить — Филиченковы. И ничего с этим уже поделать нельзя. Потому что Машка смотрит на этого крепыша с обожанием. А она это умела! В смысле — обожать!

Впившись в лицо крепыша, Лавров не нашел в нем никакого сходства с осужденным на пожизненный срок Игнатом Владимировичем, расстрелявшим в упор его друга более десяти лет назад. Игнат Филиченков был высоким, худым, с узким морщинистым лицом, запавшими серыми глазами, губастым ртом, огромными залысынами. Этот был...

Этот был хорош, со вздохом признал Лавров. Красивое лицо, красивая фигура, мягкие губы, мягкий голубоглазый взгляд, шикарная темно-волосая шевелюра. Хорош, стервец. Неудивительно, что у Машки крышу сорвало через девяносто дней знакомства.

Молодые люди подошли к ее машине, расселись. Машка успела подмигнуть Лаврову, когда устранилась за рулем. Это порадовало. Значит, помнит их уговор. Не одурела окончательно от голубоглазого красавчика.

Со двора они выехали с интервалом в три минуты. Пропустив впереди себя три машины, Лавров прочно держался у них в хвосте до самой «Загородной Станицы».

Имелось у них в городе такое заведение, на любой вкус, на любой кошелек. Тут вам крытый и открытый бассейны, рестораны и кафе, гостиницы и кемпинги, площадки для танцев и закрытые танцзалы, куда частенько приглашали знаменитостей. И теннисный корт даже имелся. Место было посещаемым, и всегда тут бывало многолюдно. Поэтому молодую пару Лавров потерял почти сразу. Пока искал место на стоянке, пока расплачивался с парковщиком, Машка с хахалем своим уже куда-то улизнула. Не обходить же все бары и рестораны по очереди! Их тут десятка полтора. Да и войти и ничего не заказать, Лавров не любил.

Он побродил по красивым аллеям. Постоял у пруда, покормил черствой булкой, купленной там же с лотка, жирных уток. Потом зашел в боулинг, понаблюдав за игрой, выпив пол-литра безалкогольного пива. Вернулся на стоянку. Машина соседки была на месте. Уже неплохо. Значит, отдых продолжается.

Опустив стекло со своей стороны, он откинул сиденье и решил подремать. Минут сорок дремал. Может, больше, как-то не уследил за временем. Потом вдруг вздрогнул от какого-то резкого хлопка и очнулся.

Время катилось к вечеру, солнце умчалось на запад, оставив за собой длинные тени от зданий и деревьев. Машин на стоянке осталось совсем мало. Машкина была все еще в соседнем ряду. Он выбрал-

ся из машины, потянулся, прошелся метров десять в одну сторону, потом назад, разминаясь. Поежился от неожиданной прохлады, хлынувшей из ближнего леса. Не обманул прогноз. Последний день был солнечный. Завтра холод, потом снег.

Вот тогда узнаете, подумал Лавров с мимолетным раздражением, рассматривая шумное семейство, бредущее к своему внедорожнику.

Мама была высокой и красивой. В нарядном спортивном костюме, кроссовках, белокурые волосы перетянуты спортивной повязкой. Она шла грациозно рядом с папой, улыбаясь его словам, которые он шептал ей на ухо. Папа тоже был высоким, но заурядной внешности, тоже в спортивном костюме, в руках по сумке. Двое детишек — шумных, активных, нарядных. Семья шла к машине, обсуждая меню воскресного ужина. Время от времени они со смехом вспоминали неудачи какого-то Макса на беговой дорожке. Максом оказался один из нарядных детенышей. Принявшись сердито огрызаться, он от них поотстал. Потом, заметив, что Лавров за ними наблюдает, неожиданно показал ему язык. Саша пожал плечами и полез в машину.

Черт с ними, решил он, поднимая стекло и включая печку, чтобы противный озноб не сотрясал тело, делая его слабым. Семейка на отдыхе! Прямо рекламный ролик, а не семейка! А мальчик-то... Мальчик при всей их нарядности и успешности семейной воспитан дурно.

Тут в его окошко коротко стукнули. Он приоткрыл дверь, высунулся наружу, почти не видя в сгустившихся сумерках, кто стоит перед ним, и тут же дикой силы удар обрушился на его обритый череп...

ЛАВА 2

Прежде чем открыть глаза, Лавров подумал, что торопиться ему никуда не нужно. Он не работает нигде. Он уже несколько недель не заводит будильник, щелканье которого ненавидел пуще щелканья затвора пистолетного. Какого же хрена он все время просыпается так рано?! Изю дня в день! Каждое утро! Как на дежурство!

Он завозился, устраиваясь поудобнее. Подивился тому, как страшно болит голова. Попытался вспомнить причину, не вышло. Подумал, что вчера, наверное, дико надрался, раз ничего не помнит и так болит башка. Шумно втянул носом воздух, поморщился. Воняло отвратительно. Он что же, мало того что вчера устроил оргию, так еще и устроил ее дома?! И какие-то бабы переговариваются. Точно! Притащил вчера к себе проститутку, надрался с ними, нагадил в квартире, теперь вот как следствие головная боль, вонь.

— Ну что, очнулся?

Голос, больно уткнувшийся ему в висок острым гвоздем, показался знакомым.

— Кажется, нет, — робко шепнула одна из проституток.

— Очнулся, очнулся, я же вижу, — радостно произнес все тот же знакомый, острый, как гвоздь, голос. — Водички ему подайте, милая.

Где-то забулькала вода. «Милая» хлопочет, сообразил Лавров. Потом на лицо его упало несколько капель живительной влаги, затем вода коснулась губ, он жадно глотнул, раз, другой. И открыл глаза.

Картинка была смутной, плыла и корчилась перед глазами, но «милую» в белом халатике он рассмотрел. И тут же ужаснулся.

Ролевые игры! Они обожрались вчера с кем-то и устроили ролевые игры! И мужик со знакомым голосом тоже в белом. Хотя на роль доктора он ни черта не тянет. Скорее на опера. Пропитого, побитого жизнью, как старая шляпа молью, прокуренного и странно похожего на Женьку Заломова — его бывшего коллегу.

— Ну че, безработный? Доигрался в частного детектива? — съязвил острый Женькин, точно его, голос. — Получил по кумполу?

— Ты-ы?! — протяжно выдохнул Лавров.

— Я-а-а-а... — передразнил его Заломов и ощерил желтые прокуренные зубы. — Как ты, бродяга?

— Башка трещит. Я где? В больничке, что ли?

Лавров сообразил уже, что девушка в белом халатике с грустным милым лицом никак не может быть проституткой, которую он вчера приволок к себе в дом, чтобы затеять с ней ролевые игры. И Женьке ни к чему в халат рядиться. Он не из таких затейников. Он обычный.

— В больничке, в больничке, — поддакнул Женька, поставил локоток на коленку, подпер подбородок с вчерашней щетиной. — Доставила «неотложка» из «Загородной Станицы». Сначала наши подумали, что запил ты, загулял. И нарвался на какого-нибудь ревнивого мужа или любовника. Потом анализ доктора взяли, нет, говорят, трезв как стеклышко. В машине сидел с пробитым кумполом. Весь в крови... Вещей никаких нет. Значит, никуда уезжать не собирался. Думаю, пасет кого-то наш профи. Правильно я догадался?

— Не совсем. — Лавров попытался приподняться на локтях, но его будто к простыням пришили, тело даже не кольхнулось. Он перепугался. — Я хоть не парализован? Чего-то ноги не двигаются?

— С вами все в порядке, — пискнула девчонка в белом халатике. — Сильное сотрясение, шишка на голове. А так...

— А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо, — пропел прокуренным голосом, сильно смахивающим на голос Утесова, Женька. — Ладно, Саня, ты говори, что помнишь, я запишу, заведу там накатай и...

— Иди ты, Жэка, к черту. — Лавров слабо улыбнулся. — Какая заява? О чем ты? Тебе нужно?

— Мне? — Его палец с желтым ногтем уткнулся в поношенный джемпер. — Мне нет. Начальству нужно. Чтобы, говорит, никому не повадно было на наших сотрудников нападать. Даже на бывших. Так чего?

— А ничего. Упал я. Споткнулся в темноте, упал, — начал сочинять Лавров версию для начальства, оскорбившегося за него. — Еле до машины добрался. Там меня «неотложка» и подобрала.

— Чего метешь-то, Саня? — Женька с радостью захлопнул папку, где собирался записывать показания пострадавшего. — «Неотложки» у нас по автомобильным стоянкам не ездят пострадавших подбирать. Ты мне вот лучше скажи...

— Ты мне вот лучше скажи — где мои шмотки? — Лавров выпростал из-под одеяла голую ступню, повертел ею. — А еще лучше притащи их мне, и мы с тобой домой ко мне поедем. Посидим, как раньше.

— Это бы хорошо... — мечтательно произнес Жэка, почесав заросший кадык. — Только ведь на службе я, брат. Понедельник нонче. Что начальству скажу?

— А скажешь, что пострадавший капризничает. И говорить, скажи, станет только в домашних стенах.

— О! Это вариант! Я всегда говорил, что в твоём лице наш отдел лишился таких мозгов... Таких мозгов!

— Вам нельзя шевелиться! — пискнула «милая» в белом халатике.

Но её слабый писк потонул в деловитой Женской суете, слабых столах пострадавшего Лаврова и оглушительном скрипе пружин больничной койки, это Саша поднялся лишь с пятой попытки. Кое-как выбравшись на улицу, они поймали такси и поехали к Лаврову домой.

— Тачка моя где? — Он потрогал тугую повязку на голове.

— Отогнали ребята. У твоего дома. — Жэка со вздохом инспектировал содержимое своего кошелька. — Денег нет ни черта после выходных.

— Дочка в гости приходила? — догадался Лавров.

— Она самая, — кивнул Заломов.

Как и положено старому оперу, Заломов состоял в разводе. Какая нормальная женщина станет терпеть больше десяти лет постоянное отсутствие мужа дома, его вечные посиделки с пацанами, прокуренный до хрипоты голос, простуженный от чертовой работы взгляд? Если только она не в здравом уме, тогда да, надежда ещё может быть. А так...

А так, как и полагалось нормальной здравомыслящей бабе, жена его оставила ещё лет пять назад. Ушла, не взяв с собой ничего и плюнув на порог его маленькой квартиры.

«Чтоб тебе, Заломов, пусто было!» — пожелала она напоследок.

Он не возражал. Понимал, что с ним и правда невозможно. Хозяйство велось без него. Дочь росла тоже без него. В постели он...

Да он до нее еле добирался!

С женой они потом практически не общались. Дочка навещала. В последнее время все больше из-за финансовой необходимости.

— Чё, Саня? Может, сразу заехать, взять чего-нить? — Женька покрутил зажатой меж пальцев пятьсотрублевкой.

— Может, и взять. Жратвы у меня полно, — тут же вспомнил он про вчерашний свой поход в магазин. — Так что закуска есть. Меня пускай до подъезда, а ты там сам уж... Что-то башка трещит, Жэка, не по-детски...

Машкиной машины на стоянке перед домом не было. И балконная дверь была закрыта. Значит, на работе стрекоза. Лавров поднялся на третий этаж в лифте. Ноги держали совсем плохо. Открыл дверь, вошел в квартиру и тут же с городского телефона набрал ее рабочий номер.

— Добрый день... — тут же защебетал незнакомый голос, рассказал и про банк, и про отдел, куда Лавров попал.

— Мне Астахову можно?

— Секундочку...

Девица прикрыла трубку ладошкой, но он все равно отчетливо слышал, как она зовет Машку к телефону. И Машкин голос слышал, что-то невнятно отвечающий.

— Простите, а кто ее спрашивает? — спросила щебетунья.

— Лавров.

Саша поморщился от боли в голове. Может, доктор все же ошиблись и ему проломили черепушку? Или занозу какую нападавший оставил в его башке! Огромную такую, острую как гвоздь. Что же так болит-то?

— Да, — ответила Машка сердито. — Саня, ты?

— Я.

— Ты где вообще?

— Сейчас дома.

— А был где?

Машка говорила чужим натянутым казенным голосом. Понятно, при исполнении! Кругом подчиненные. Да еще этот, как его, Володя, где-то рядом.

— Вчера был там, в «Станице», тебя потерял из вида почти сразу. Но не уезжал, решил посидеть, подождать, и...

Он запнулся. Признаваться, что получил по башке, как лох последний, было неловко. Он для Машки всегда был героем.

— И что? — прозвучал в ухе допросный Машкин голосок, как ему показалось, зазвеневший дикой обидой.

— И кто-то меня вырубил, Маш, — решил он не врать.

Вдруг ей кто-нибудь уже сообщил? Она с Володиным своим вернулась на стоянку, а там происшествие. Могла и узнать. Врать незачем.

— Что значит вырубил! — повысила она голос. Тут же чем-то громынула, потом протопала куда-

то с трубкой и прошипела со злостью: — Что значит вырубил?!

— По башке меня чем-то огрели. Очнулся в больнице.

Лавров еле стянул с ног туфли, прошел в комнату, прилег на диван, прикрыл глаза. Дневной свет, хоть и не такой яркий, как вчера, делал глазам больно.

— А сейчас ты дома?

— Да.

— А как ты туда попал, Лавров?! — заверещала Машка. — Тебе же наверняка лежать надо!

— Я и лежу. — Он зачем-то похлопал ладонью по дивану.

— В стационаре, Лавров! В стационаре надо лежать! — И она начала нить и учить, учить и нить, как это она любила делать, воспитывая его.

— Маш, не ори. Голове больно.

Лавров приоткрыл глаза, услышав суету в прихожей. В комнату сунулась заросшая щетиной Женькина рожа. Рожа довольно улыбалась. Значит, купил то, что хотел. Может, даже сэкономил. И у начальства отпросился. Чего ему еще так светиться-то?

— Саня, так я там похлопочу? — шепнул он.

Лавров согласно кивнул.

— Может, мне отпроситься, Саша? — вдруг предложила Машка.

— Зачем?! — Он не понял.

— Ну... Ухаживать за тобой стану.

— Ага! А потом мне твой мачо еще раз по башке врежет? — пошутил Лавров.

Как оказалось, неудачно.

— Ты так говоришь, будто это он тебя ударил! — возмутилась соседка. — «Еще раз!»! Думай, что говоришь, Лавров!

— Ну... Извини, — нехотя произнес он, хотя извиняться из-за какого-то хлыща с буграми мышц ему не очень хотелось.

— Ладно, принимается, — шмыгнула Машка носиком. — Чего купить после работы? Пожелания какие-нибудь есть?

— Ничего не надо. Я вчера все купить успел. Да и Женька что-то принес, — прислушался Лавров к активному грохоту с кухни.

— Да знаю я, что может принести твой Женька! — фыркнула Машка почти весело. — Не обожритесь там, господа!

— Ладно тебе, — хмыкнул Лавров и тут же спохватился. — Ты лучше расскажи, как отдых твой вчера? Удался? Я что-то так быстро вас из вида потерял. Куда вы сквозанули-то, Маш?

— Ох, и не спрашивай. — Она странно хихикнула.

— Что такое? — Ее хихиканье ему не понравилось. Противное какое-то, виноватое, как у опростоволосившейся девчонки.

— Володя заказал отдельный кабинет в одном из ресторанчиков. Кухня шикарная, интерьер тоже. Все началось так красиво. Прекрасное вино. Шампанское. Кстати, он кольцо мне вчера подарил. А потом... — Она неуверенно запнулась.

— А потом? — поторопил ее Лавров, свешивая ноги с дивана.

На пороге комнаты стоял Женька с полотенцем на плече и зазывал его на кухню, размахивая руками.

— А потом я... Я ничего не помню. Напилась. Представляешь! — Она снова противно хихикнула.

— Маша! Маша, как это?! — Лавров неуверенно шагнул, пол комнаты раскачивался под ногами корабельной палубой. — Ты же всегда аккуратно пьешь!

— Всегда. А тут... — Она вздохнула, цыкнула на кого-то, кто сунулся в дверь ее кабинета. — А тут расслабилась, Саня. Сама не помню как!

— Много пила?

— И да, и нет. Но вырубило, представляешь! Володя даже перепугался. Водой мне в лицо плеснул, чтобы разбудить.

— Ты уснула?

— Да, — покаялась она. И тут же заныла: — Так стыдно, Саша! Он мне кольцо подарил, а я как поросенок!

— Так, погоди. — В разбитой голове не складывалось ни единой логической картинки, все как-то глупо громоздилось и насакивало одно на другое. — Но ты же была за рулем! Как ты вообще могла пить?!

— Не знаю, — буркнула она недовольно. — Наваяло. А за руль я не села. Мы на такси возвращались. А сегодня рано утром Володя мне машину перегнал.

— Ты что же, Володю уже и в страховку вписала?! — прошипел Лавров, закатывая глаза.

— Она у меня без ограничения! Не начинай, Лавров. В общем, так... — Она вдохнула, выдохнула, еще и еще раз, а потом подвела черту: — Замуж я за него все равно пойду. Нравится тебе или нет, но пойду. А то, что я вчера напилась... так это от счастья!..

Саша не поленился, сходил в прихожую, положил телефонную трубку на аппарат, чтобы не разбить ее

о стену. По дороге в кухню, где уже напевал Жэка, стало быть принял соточку, завернул в ванную.

— Ну и рожа! — ахнул он своему отражению в зеркале.

Бледные щеки, обметавшиеся губы, голова перебинтована, в центре лба под бинтами угадывалась громадная шишка. Саша выдавил немного зубной пасты на щетку, чуть поерзал ею по зубам, прополоскал рот, умылся, высушил лицо полотенцем и пошел в кухню.

Жэка смастерил незатейливый салатик из огурцов, помидоров, лука и оливкового масла. Нарезал толстыми ломтями сыр и колбасу. Накромсал хлеба. В тарелке оказался только салат. Все остальное валялось на разделочной доске.

Варвар! Холостяк! Старый опер! Какая с него сервировка.

— Что ты как дикарь, Жэка? — проворчал Лавров, перекладывая сыр с колбасой в тарелку. — Ведь не на скамеечке же в парке! — И снова добавил: — Дикарь!

— Че, Машка разозлила? — догадливо подмигнул Заломов и сноровисто налил по стопке. — Слышал, слышал ваш разговор. Че она? Чудит?

— Замуж собралась! — фыркнул Саша, не став врать и отнекиваться. Жэка был своим и многое знал.

— Опять?! — вытаращился Жэка сквозь слезу, пробитую только что опрокинутой рюмкой. — В который раз уже?!

— В третий!

Саша, морщась, выпил. Не потому что хотелось. Потому что верил, что станет лучше.

— Во дура, а! — почти с восхищением выдохнул Заломов, схватил кусок колбасы, закинул в рот. —

Вот скажи, Саня, почему все бабы дуры, а?! А Машка твоя особенно!

— Она не моя, — слабо возразил Лавров, привалившись к стене в любимом своем уголке.

— А вот и зря, что не твоя! — Жэка похлопал себя по карманам. — Блин, сигареты купить забыл.

— И хорошо. Нечего у меня тут дымить. — Лавров прислушался к головной боли. Кажется, чуть стихла. — И вообще... Когда здоровьем займешься, Жэка? Ты же молодой еще, по сути, мужик. А выглядишь...

— Ты не моя бывшая жена, чтобы мне нотации читать, — обиделся вдруг Заломов и, не предлагая Лаврову, выпил в одиночестве. Зажевал огурчиком, поморщился, потом проговорил, приложив к груди растопыренные ладони: — Понимаешь, Саня, я такой, какой я есть! Я другим не могу быть! Не могу, понимаешь! Мне комфортно в моей шкуре! Кому-то она не нравится, кого-то не устраивает, дурно пахнет, не стильная, а мне в ней комфортно! Она полностью меня устраивает. А что касается здоровья...

Лавров вовремя прикрыл свою рюмку ладонью, потому что Жэка частил, наливая еще по одной.

— Что касается здоровья, Саня... Так что здоровым буду, что болеть стану, помирать мне все равно в мой час. Как он пробьет, так и помру, Саня. Ну, давай за здоровье, что ли, в душу его мать...

Лавров больше пить не стал, обрадовавшись, что боль отступила. И сколько Жэка его ни уговаривал закрепить успех, он не поддался. Ему нужны были трезвые мозги к Машкиному возвращению. У него неожиданно появились к ней вопросы. Нехорошие, неприглядные, которые ей точно не понравятся. Но он все равно их ей задаст.

Как-то все так...

Новый ухажер ее со странной фамилией. Потом этот ее отдых, закончившийся конфузом. Он вот опять же схлопотал. А за что? Он не верил в совпадения. Считал их всегда происками. Чьими? А это пускай они там на небесах разбираются, кто шалить изволит. Просто не верил, и все.

Жэка пил почти не пьянея. Рассказывал о последних новостях. С него взял честное слово, что вспомнит все до мелочи, до минуты, что предшествовали нападению на него. Лавров пообещал вспомнить, хотя и не забывал. Он отлично помнил великолепное нарядное семейство, возвращающееся к машине после активно проведенного выходного дня. И мальчишку помнил, который ему язык показал. И он вот оклемается немного и вернется на ту стоянку. И потреплет нервы охраннику. Не мог тот ничего не видеть. Какой он, к черту, тогда охранник?!

А если он не видел, то пацан, подпортивший спортивные показатели своему милому семейству, непременно что-то видел. Лаврова ударили буквально через минуту после того, как мальчишка высунул свой язык. Пацан точно что-то видел. Вычислить их адрес по номеру машины — ерунда. Номер машины скажет охранник. А если не скажет, то...

— О чем ты? — встряхнулся он, когда Жэка повторил свой вопрос.

— Бумага с фото у тебя откуда на подоконнике? — Жэка ткнул пальцем в сторону окна, за которым сегодня все казалось серым и невзрачным.

— Сосед вручил. — Лавров досадливо поморщился, вспомнив прилипчивого Игоря Васильевича.

— Зачем?

— Призывал к бдительности. Сказал, что раз я не работаю больше в органах, то должен работать теперь на него!

— Что, прямо так и сказал? — Женька рассмеялся, подбирая с тарелки последние огурцы из салата.

— Пусть не совсем так. Но решил, что я просто обязан приносить пользу обществу, разыскивая беглых преступников. И вручил мне этот вот листок. — Саня покосился на лист.

— Опоздал ты, Саня, с розыском-то.

— А я и не торопился, — пожал Лавров плечами. — Поймали?

— Сам попался. Да так, что не выбраться уже никогда. — Жэка вдруг зябко повел плечами, глянул на Лаврова совершенно трезвыми глазами, будто и не опорожнил в одиночку половину бутылки. — Ты что, даже и не смотрел в листок?

— Нет, а кто там? — Он дотянулся до листа бумаги, развернул и замер.

Ему не было нужды читать текст. Достаточно было взглянуть на фотографию. Это невзрачное неприятное лицо забыть было невозможно. Странно, что он его не узнал из рук Игоря Васильевича.

— Ты хочешь сказать, что он сбежал? — Лавров суеверно отшвырнул от себя ориентировку. — Из той тюрьмы не сбегают! Это какая-то... Какая-то туфта, прости, Жэка!

— Сбежал, Саня. Правда, ненадолго. — Жэка с сожалением посмотрел на дно пустой тарелки из-под салата, где в масле плавали три луковых кольца.

— Что значит ненадолго?! Поймали, что ли?

— Конечно! Тут такие силы были брошены на перехват, о-о-о! — Жэка подхватил со стола распе-

чатку, глянул ненавидящими глазами в черно-белый портрет. — Сволочь!

— Как давно это случилось?

— Да почти сразу, как ты ушел.

— А чего мне не сказал?

— Так ты же ушел! — уел его друг.

Жэка свернул лист вчетверо, потом еще и осторожно порвал на мелкие части. Сложил горкой возле своего локтя.

— А поймали когда?

— Не поймали, Саша, а расстреляли! — Мощный палец Жэки с прокуренным желтым ногтем проткнул воздух над его головой. — Эту гадину расстреляли! А точнее, закидали гранатами в лесной сторожке, где он прятался.

— Ну а когда закидали-то?!

— Через три дня после его побега, — не без гордости заявил Заломов.

— А конкретнее?! — скрипнул он зубами.

— Ну-у... Месяц назад точно, как бы не побольше, — наморщил он лоб, пытаясь вспомнить. — Точной даты не могу назвать. Но уже прилично времени прошло.

Мысли у Саши снова стали путаться. Это из-за травмы, решил он. Опять картинка не складывалась. Теперь уже другая.

Как, скажите на милость, Игорь Васильевич мог видеть Игната Филиченкова у них во дворе, если его больше месяца назад расстреляли?! А жена его как могла его увидеть?! Сумасшествие какое-то!

Наверняка сорвали с доски объявлений эту бумагу с кричащим заголовком «Розыск». Прочитали, перепугались. И давай примерять эту фоторожу на

всякого подозрительного бомжа, что присел в их дворе на скамеечку. Ах нет! На качели! Ну, Игорь Васильевич, ну, блин...

Зря Жэка разорвал эту бумагу. Зря! Он бы завтра этому управдому ее на лоб пришили бы! Чтобы тот воду не мутил и к приличным гражданам не приставал с нелепыми предложениями. А то к бдительности он его призывал, понимаешь!

Жэка посидел еще с полчаса и засобирился.

— Не могу, Саня, начальство точно съест, если я даже к концу дня не явлюсь, — бубнил он, выдавливая зубную пасту из тюбика прямо в рот. — Сам знаешь нашу работу. Днем могу быть где-то. Но утром и вечером будь любезен появиться. Кстати, чего ты решил-то?

— Насчет чего?

Лавров маетно слонялся за Женькиной спиной, он ловил себя на мысли, что не хочет, чтобы тот уходил. Сейчас опять одиночество навалится, тоска задавит.

— Насчет нападения на тебя.

Жэка повернулся к нему с полным ртом белоснежной пены.

— Не было никакого нападения, Жэка. Так самому и скажи.

— Это я понял. Но ты ведь завтра туда поедешь, так? Станешь трясти охранника. Потом будешь искать тех, кто мог что-то видеть. И еще... И еще раз по кумполу схлопочешь. Что же я тебя не знаю, что ли! — фыркнул бывший коллега, разукрашивая каплями зубной пасты темный кафель его ванной. Согнувшись над раковиной, бодро прополоскал рот.

— Если что нарою, сообщу, — не стал отнекиваться Лавров.

Они слишком долго служили бок о бок. Они слишком хорошо знали друг друга.

— Как? Не пахнет? — Жэка дыхнул Лаврову прямо в нос смесью запахов водки, лука и зубной пасты.

— Пахнет. Жвачку купи. А еще лучше лимончика пожуй.

— Ага, — кисло улыбнулся Заломов, влезая в свою поношенную куртку и ботинки. — А еще лучше его полностью сожрать, чтобы жизнь малиной не казалась. Ладно, брат, бывай, береги себя. И это... Не подставляйся больше, ладно?

Он ушел. Лавров вернулся в кухню. С брезгливой миной осмотрел следы их посиделок. Перевел взгляд на горку рваных клочков бумаги.

Филиченков сбежал! Нет, ну надо же! Как это ему удалось, интересно?! Из той тюрьмы не убегают. Ему кто-то помогал, ясно. Он сбежал и каким-то неведомым образом добрался до заброшенной сторожки в лесу. Конечно, ему помогали! И этот помощник, видимо, и сдал его, когда его приперли неопровержимыми доказательствами. Потому что в том лесу найти затерявшуюся избушку было невозможно. Тем лесом была непроходимая тайга.

А вообще-то Лавров был даже рад, что все так получилось. Ему всегда неприятны были мысли, что эта гадость где-то живет, пусть даже и в камере пожизненного заключения. Что она дышит, жрет, смотрит телевизор, может, читает книги, газеты, может, даже и улыбается. А Виталика Сухарева нет. Давно нет. И пацаны его, увезенные непутевой Маринкой в неизвестном направлении, совсем одни.

«Не ищи нас, Лавров, не найдешь, — сказала она на прощание. — Ты нас просто достал своей опекой!»

И он не нашел, как ни старался.

«Она могла выйти замуж, и ее муж усыновил пацанов, дал им свою фамилию, — решил тогда Жэка, он тоже помогал в поисках. — Надо искать ее следы, Саня».

Но ее следов тоже не нашлось, Маринка выполнила свое обещание. Он их не нашел.

А Филиченков продолжал жить, жрать, улыбаться, возможно, читать книги и журналы, строить планы. И это отравляло Сане жизнь. Еще и пацаны Виталика затерялись.

Теперь все иначе. Теперь он точно знал, что этой гадины нет на земле и она не дышит, не жрет и не улыбается. Если Заломов сказал, что убит, значит, так оно и есть. Надо будет завтра успокоить этих странных пенсионеров, решивших, что они видели именно Филиченкова на детских качелях в их дворе несколько дней назад.

Но это завтра. Сегодня он даже посуду мыть не станет, завалится спать. И разговор с Машкой подождет. В голове снова стала ворочаться огромная острая заноза, норовя изнутри выколоть ему глаза. Приняв две таблетки аспирина, Лавров, не снимая одежды, завернулся в плед и провалился в сон. Как в глубокую черную яму упал...

ГЛАВА 3

— Почему снова я, Ниночка?!

С трудом разлепив веки, Игорь Васильевич уставился на жену, стоящую над ним в одной ночной сорочке с собачьим поводком в руках. Невысокая,